
МОТИВ ГРАНАТА В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ АРМЕНИИ

НИНА СТЕПАНЯН

Гранат традиционно занимает особое место в армянском изобразительном искусстве и, вообще, в армянской культуре. В наши дни, несомненно, гранат является в Армении основным мотивом во всех областях изобразительного искусства – как наиболее часто встречаемый мотив орнаментальных композиций он присутствует в архитектуре, живописи, книжной графике, керамике, обработке металла, резьбе по дереву, вышивке. Немаловажную роль он играет и в кинематографии (вспомним, хотя бы, “Цвет граната” Параджанова, “Арагат” Эгояна), а также в таких областях современного изобразительного искусства, как компьютерная графика, клипмейкерство и реклама. Более того, в нашем современном представлении, гранат, безусловно, является национальным символом, идентифицируется с самим армянским этносом. Тем удивительнее, что, как показывают археоботанические данные, на протяжении ряда веков гранат практически не изображался на армянских культурных памятниках.

Рассмотрение древних изобразительных памятников, а также анализ литературы по древнеармянскому зодчеству, прикладному искусству и миниатюре, позволяют составить список растений, изображения которых, наряду с гранатом и виноградом, можно не раз встретить на Армянском нагорье с древнейших времен и до периода развитого средневековья. Так, существует мотив, который ничуть не меньше, чем гранат и виноград, а в некоторые периоды даже намного чаще фигурирует в армянском изобразительном искусстве, переходя из тысячелетия в тысячелетие – это мотив лилии. Помимо упомянутых (гранат, виноград, лилия), традиционно изображались также следующие растительные мотивы: “елочный” (стилизованный колос), пальма, лотос, акант, маслина, миндаль, платан. Встречаются и изображения кипариса, дуба, сосны, смоковницы, акации, камыша, папируса, тыквы, хлопка, мальвы, вьюнков, трилистника и др. Очень много и растительных мотивов, настолько стилизованных и обобщенных, что они потеряли связь с первоначальной, природной формой, как, например: розеты, пальметты, стилизованные цветы, кусты и деревья, лиственный орнамент, мотив вьющейся лозы, растительные гирлянды.

Вообще, изображение того или иного растения в древности не было случайным – изображались растения, которые имели культовое значение и ассоциировались с таким основополагающим для большинства культур понятием, как Древо Жизни. При этом, предметом культа могло быть лишь растение местной флоры, ведь почитаться могло только хорошо знакомое и, соответственно, произрастающее на данной территории, растение. Так, в германской традиции поклонение Древу было связано с тисом, в ирландской – с орешником, в восточно-славянской – с березой¹; у

¹ Мифы народов мира, т. 2. М., 1980.

различных народов почитались также кукуруза, ананас, дуб, явор, ива, баньян, акация и др.² Что касается Армянского нагорья, то здесь почитание Священного Древа имело очень глубокие корни, и уже в период Урарту (IX–VII вв. до н.э.) в качестве такового нередко изображался гранат.

Изображения граната на территории Армении присутствуют и позднее – на памятниках VII–IV вв. до н. э.; значительно меньше находок с изображениями граната, относящихся к III в. до н. э. – III в. н. э.³ Что же касается первых веков христианства в Армении (начало IV – середина VII в., то есть до Звартноцкого храма), то можно констатировать, что мотив граната в этот период почти не встречается на изобразительных памятниках. Чем же объяснить отсутствие в эти века мотива граната при таком распространении его в период Ванского царства, а также в армянской средневековой архитектуре после середины VII в., в керамике, коврах, вышивках, книжной живописи периода развитого и позднего средневековья? Чем объяснить такой “гранатовый бум” в современной армянской культуре, этот взрыв “гранатовой бомбы”? Сам плод заключает в себе под горькой и непроницаемой кожурой россыпь пурпурных ягод. Какие же тайны хранит в себе гранат-символ?

Чтобы ответить на некоторые из этих вопросов, подробнее обратимся к растительным орнаментальным мотивам IV – первой половины VII вв. В области армянского прикладного искусства этого периода обращает на себя внимание преобладание в керамике и стекле мотива волнистого растительного побега – мотива *виноградной лозы*, очевидно, предпочитаемого в эпоху раннего средневековья в Армении⁴. Еще более очевидно преобладание мотива винограда в области архитектуры. Так, виноградная лоза изображена на стенах царской гробницы в Ахцке (IV в.), на основании стел в Касахе, Иринде, Мугни, Ардви, Караглухе, Ованнаванке (IV–V вв.). Не раз встречается виноград и в убранстве раннехристианских церквей: лоза, листья и гроздь винограда высечены на стенах Касахской базилики (400 г.), церкви Циранавор в Аштараке (V в.), на детали люнета из Двина (V в.), в Ереурыке (V в.), Птгни (VI в.; табл. 1, рис. 1) и на других более поздних памятниках – церкви в Одзуне, Мрене, Арамусе, Джрвеже (VII в.). И это далеко не полный список раннесредневековых памятников, на которых присутствует мотив винограда. До середины VII в. на стелах и в убранстве церквей можно не раз встретить и многие другие традиционные элементы растительного орнамента: лилии, пальмы, пальметы, розеты.

Что же касается граната, то его единственным известным нам изображением периода раннего христианства в Армении является очень грубо исполненный рельеф на стеле, датированной IV–V вв. (табл. 1, рис. 2). Стела находится в Сардара-

² В. А н д р е е в а, В. К у к л е в, А. Р о в н е р. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М., 2001.

³ Н. С т е п а н я н. *Punica granatum L. (Punicaeae)* на Армянском нагорье (археоботанические данные, VIII в. до н. э. – III в. н. э.). – Флора, растительность и растительные ресурсы Армении. вып. 16. Ереван, 2007.

⁴ З. Т а р а я н. Символы симметрии орнамента в армянском прикладном искусстве. Ереван, 1989.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

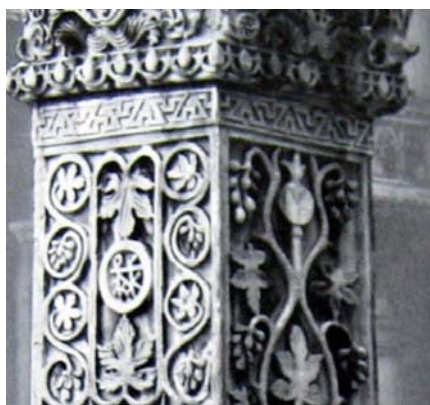

Рис. 4

Рис. 5

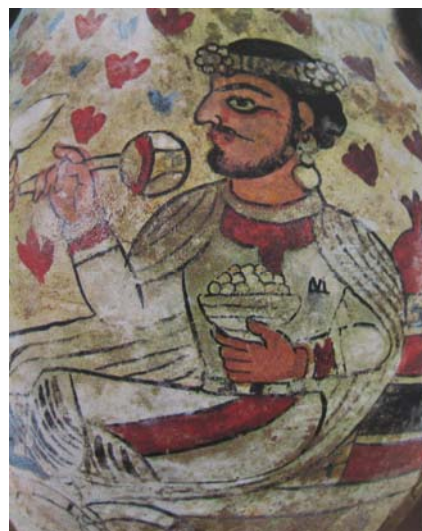

Рис. 6

Таблица 1

пате, место ее происхождения неизвестно⁵. Бросается в глаза качество исполнения, резко контрастирующее с памятниками “официального искусства” того же периода.

В чем же причина такого выпадения граната из круга изображаемых символов и превалярования мотива винограда в эти века? Общеизвестно, что с принятием христианства виноград становится символом новой веры, виноградная лоза символизирует христианское учение, а виноградное вино символизирует кровь Христову, пролитую им во спасение человечества. Такое понимание, характерное не только для Армении, но и для всего христианского мира, напрямую связано с изреченным в Евангелии: “И взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все; Ибо сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов” (Матф. 26, 27); глава 15 Евангелия от Иоанна начинается со следующих слов: “Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец мой – Виноградарь...” Из приведенных цитат становится ясно, почему виноград занимает такое большое место в церковном ритуале, а также в средневековой архитектуре и миниатюре. Объяснением же отсутствия граната среди изображаемых в первые века христианства в Армении растительных мотивов могут служить любопытные данные, приводимые в книге по армянским вышивкам, изданной в Ливане: “В дохристианское время плоды граната посвящали Богине матери и как первый плод, и как плод, символизирующий груди Анаит – Богини плодородия. А вином, изготовленным из сока граната, как нектаром, живительной влагой омовали священный алтарь. С почитанием Древа было связано также почитание зерна, и перед покосом Анаит приносили в дар первый сноп сена. После принятия христианства на капищах Анаит были воздвигнуты церкви, посвященные Богородице. Делалось это вполне осознанно: те чувства, что питал народ к Богине Матери, переносились на почитание Девы Марии. Вместо снопов сена ей подносились “Хачбуры” – кресты, сделанные из пшеничных колосьев, а место плодов граната по сей день в церковном ритуале занимает виноград. С течением времени возделывание винограда в Армении развилось и расширилось, а граната – пошло на убыль”⁶ (перевод наш.– *Н.С.*).

Между тем, в соседних с Арменией странах в IV–VI вв. очень много изображений граната – это относится и к христианской Византии, и к сасанидской Персии. Изображение граната в *Византии* уходило корнями в эллинистическую традицию. После принятия христианства здесь продолжали изображать гранат, связав его с Церковью, Христом и Марией⁷. Гранат – древний символ плодородия и

⁵ *Մ. Հարությունյան, Մ. Քալանթարյան, Հ. Պետրոսյան, Գ. Մարգարյան, Հ. Մելքոնյան, Մ. Հոսրոսյան, Պ. Ավետիսյան, Ա. Մահարյան, Բ. Գաուպրյան. Գինին հայոց ավանդական սշակույթում, Երևան, 2005:*

⁶ *Մ. Ծիրանի. Հայկական ասեղնագործության խորհրդանշանները իբրև նախնադարյան արձագանքներ.– «Հայկական ասեղնագործություն», Բեյրութ, 1999, էջ 91-92.*

⁷ *C. D u t l i c h. Lexikon der christlichen Ikonographie.– Allgemeine Ikonographie. Freiburg, Basel, Wien, 1968; E. K i r s c h e r b a u m. Lexikon der christlichen Ikonographie. Bd. II. Rom, Freiburg, Basel, Wien, 1990; G. S t r a u s s. Lexikon der Kunst (Architektur, Bildende Kunst, Angewandte Kunst, Industrieformgestaltung, Kunsttheorie), Bd. II. Leipzig, 2004.*

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

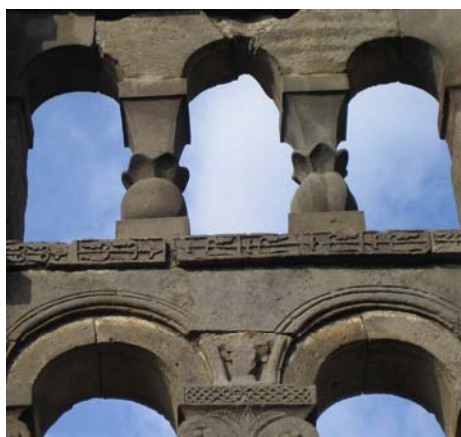

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

бессмертия⁸, стал пониматься как символ Воскресения Христова⁹. Отцы церкви в толкованиях к священному писанию связывали гранат с экклесией, множество зерен граната – со множеством мучеников и мистерий; кроме того, христианское учение унаследовало древнюю символику граната как Древа Жизни, что нашло отражение в отдельных его изображениях, а также в растительном орнаменте, где гранат зачастую изображается переплетенным с виноградом¹⁰. Помимо этого в христианстве гранат получает значение небесной любви, божественного благословения, что восходит к ветхозаветному пониманию граната как знака любви и знака божьей благодати. Красный сок граната символизирует кровь священномучеников, а множество семян, заключенных в единую оболочку, воплощают идею соборности, символизируют людей, объединенных в церковную общину¹¹.

Уже к раннехристианскому времени относятся многочисленные примеры изображений граната в Византии, например, напольная мозаика в церкви Св. Марии в Хинтоне, где представлено погрудное изображение Христа, окруженное “гранатовыми яблоками” (Британский Музей, первая половина IV в.), гранаты изображены на саркофаге Константины, дочери Константина Великого (IV в.), на мозаиках южной и восточной галереи церкви Санта-Констанца в Риме (IV в.)¹², на мозаике церкви Св. Георгия в Тессалониках (около 400 г.), обрамлении диптиха из слоновой кости в Милане (около 500 г.)¹³. Среди других примеров использования мотива граната в византийском искусстве – аллегорическое изображение на шерстяной ткани (V в., хранится в Вашингтоне, табл. 1, рис. 3), колонна с капителью, центральное место в композиционном решении которой, наряду с виноградом, занимает гранат (524–527 гг., Константинополь, табл. 1, рис. 4)¹⁴, а также другая колонна со сходным декором из граната и винограда (VI в.), перевезенная в XIII в. из Константинополя в Венецию¹⁵.

Напомним, что приводимые здесь памятники, относятся именно к тому периоду (IV–VI вв.), на протяжении которого гранат совершенно отсутствует в армянском официальном искусстве. Пока остается только предполагать, почему в Византии мотив граната, унаследованный с античных времен, продолжал изображаться, его символическое понимание было лишь “адаптировано” к христианству, а не отвергнуто вовсе, как это произошло на заре христианизации в Армении. Возможно, гранат не был уничтожен в Византии по причине более “индифферентного” отношения к этому символу в Римской империи, в восточной части которой в IV в. была основана Византия. Очевидно, в Армении при христианизации имело место более

⁸ R. R e i c h e l t. Das Granatapfelmotiv in der Textilkunst. Berlin, 1856.

⁹ G. S c h i l l e r. Iconography of Christian Art, vol. 2, London, 1972; S. H a n n e l o r e. Christliche Ikonographie in Stichworten. Muenchen, Berlin, 1998; J. S e i b e r t. Lexikon christlicher Kunst (Themen, Gestalten, Symbole). Freiburg, Basel, Wien, 1980.

¹⁰ G. H e i n z - M o h r. Lexikon der Symbole und Zeichen der christlichen Kunst. Muenchen, 1998.

¹¹ H. B i e d e r m a n n. Knaurs Lexikon der Symbole. Augsburg, 2000.

¹² W. V o l b a c h. Fruehchristliche Kunst. Die Kunst der Spaetantike in West- und Ostrom. Muenchen, 1958.

¹³ D. R i c e. Kunst aus Byzanz. Muenchen, 1959.

¹⁴ W. V o l b a c h, J. L a f o n t a i n e - D o s o g n e. Byzanz und der Christliche Osten, Bd. III. Berlin, 1968.

¹⁵ P. H e t h e r i n g t o n, W. F o r m a n n. Byzanz. Stadt des Goldes, Welt des Glaubens. Luezer, 1987.

острое противопоставление этому очень важному для языческого культа и глубоко сидящему в сознании людей древнему символу плодородия и любви.

Очень много изображений граната можно встретить и на изделиях, традиционно связываемых с другим соседним с Арменией государством – сасанидской *Персией*. Считается, что изображения граната на сасанидском металле связаны с почитанием богини Анаит в зороастрийском культе. Женская богиня почиталась у армяно-иранских племен задолго до зороастризма, возникновение которого относят к VII в. до н. э. В Иране лишь много позже – в конце III в. н. э., в эпоху Картира (верховного жреца при шахиншахе Варахране II) зороастризм становится государственной религией сасанидского Ирана, именно тогда появляется нетерпимость к иноверцам, тогда же на основе пехлеви создается письменный язык для передачи священных текстов зороастризма – Авесты. Но в искусстве Ирана этой эпохи (эпохи Картира) совершенно отсутствуют символы Анаит, столь распространенные здесь позднее, начиная с IV века: различные цветы, плоды граната, голубь, павлин. То есть, в IV в. “происходит “ренессанс” древней символики и древних образов в официальном искусстве, обслуживающем зороастризм”¹⁶. Таким образом, в сасанидском Иране гранат начинает изображаться как раз в тот период (IV в.), когда он “впадает в немилость” в Армении (возможно, именно в этом кроется еще одна причина более “нетерпимого” по сравнению с Византией отношения к гранату в христианизированной Армении – как противопоставление соседней сасанидской Персии). Можно указать огромное число предметов сасанидского искусства, в декоративном убранстве которых использован мотив граната: бронзовые и серебряные блюда, светильники, драгоценные кувшинчики, на которых выгравированы жрицы в легких одеждах с культовыми предметами в руках, в числе которых и гранат, бронзовые кувшины, на ручке которых помещены крупные гранаты (табл. 1, рис. 5). Плод и цветы граната мы видим также на другом иранском изделии VI в. – расписном керамическом оссуарии из Мерва (табл. 1, рис. 6).

Относительно сасанидского металла очень важный аспект подчеркивают И. Орбели и К. Тревер: “Многое из того, что легко может быть воспринято как результат влияния сасанидского искусства на искусство других стран и народов, в действительности является вкладом этих народностей в сокровищницу иранского искусства”¹⁷. Действительно, сложное историческое явление, называемое “сасанидским искусством”, было создано разноплеменными мастерами, работавшими в обширной монархии Сасанидов. Многие мотивы, очень схожие с “сасанидскими”, можно видеть и на предметах армянского прикладного искусства, в миниатюрах, а также на стенах многих армянских церквей разных веков – Ахтамар, Макараванк и др., что указывает на преемственность традиции. Полагаем, что эти аспекты надо иметь в виду, когда мы рассматриваем изображения граната в искусстве соседнего нам Ирана.

Что касается непосредственно Армении, то здесь, после многих веков “забвения” мотива граната, в середине VII в. католикос Нерсес III, уроженец Тайка, начинает близ Вагаршата строительство грандиозного по тем временам храма, где “главным действующим лицом”, а точнее, одним из двух доминирующих мотивов, наряду с

¹⁶ В. Л у к о н и н. Искусство Древнего Ирана. М., 1977, с. 140.

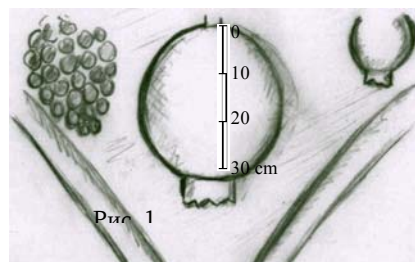
¹⁷ И. О р б е л и, К. Т р е в е р. Сасанидский металл. М.–Л., 1935, с. 21.

виноградом, является гранат. Именно с этого храма начинается возрождение, “выход из подполья” мотива граната. Речь идет о *Храме Бдящих сил – Звартноце*.

Орнаментальные мотивы Звартноца воспринимаются нами как сугубо традиционные. А между тем, изображение граната на стенах армянского христианского храма было отнюдь не обычным и должно было представляться даже, говоря современным языком, сенсационным для современников католикоса Нерсеса. Факт необычности этого мотива для того времени и “новаторства” Нерсеса с наблюдательностью добросовестного ученого уже несколько десятков лет назад был подмечен Н.Токарским, он пишет: “Следует отметить, что при распространении мотива винограда уже в первой четверти VII в., гранат появляется только в Звартноце, а затем, под его влиянием, на некоторых церквах, построенных во второй половине VII в.”¹⁸

Интересно, что если виноградная лоза, заполняющая архивольты наружных сводов, строго, ритмически повторяясь, трактуется большей частью орнаментально, то в отношении граната в Звартноце мы видим “живое”, а не схематичное изображение, изображение именно гранатовых кустов. На стенах других церквей, построенных уже после Звартноца, изображения граната стилизуются, переходят в орнаментальную форму, выстраиваются в бордюрный орнамент, здесь же изображены, “гранатовые деревья и побеги, охватывающие кольцом армянский храм”¹⁹. На фризе наружной аркады храма виноград также, по созвучию с гранатом, в отличие от изображений винограда в виде бордюрного орнамента на архивольтах, изображен вполне реалистично – тут и там рядом с гранатовыми кустами можно встретить усики виноградной лозы (табл. 2, рис. 7). Помимо этих особенностей общей композиции фриза наружной аркады Звартноца, рассматривая здесь изображения гранатовых кустов, можно заметить отсутствие какого-либо канона, схемы в изображении самих плодов – они очень отличаются по своим размерам, форме, а также по числу и форме чашелистиков, как это и бывает на настоящих гранатовых кустах.

Но более всего потрясает деталь, которая не известна нам из предшественников звартноцкого храма и не была повторена на храмах, построенных после Звартноца вплоть до наших дней – это огромные, размером превосходящие человеческую голову, плоды граната, помещенные выше треугольников между арками (рис. 1). К этим громадным, даже не горельефным, а скульптурным изображениям плодов граната, которые высились над развилками между арками, опирающимися на двойные полуколонки, склонялись, с одной стороны гранатовые ветви, с другой – виноградные лозы. Несколько из таких каменных шаров можно и сегодня увидеть на самих развалинах храма (табл. 2, рис. 2), в музее при Звартноце, а наиболее хорошо сохранившийся фрагмент хранится в Музее истории Армении.

¹⁸ Н. Т о к а р с к и й. По страницам истории армянской архитектуры. Ереван, 1973, с. 74.

¹⁹ И. О р б е л и. Памятники армянского зодчества на острове Ахтамар.– Избранные труды, т. 1. М., 1968, с. 135.

Орнаментальные мотивы Звартноца, как и гениально разработанная форма храма, занимают совершенно особое место в армянском зодчестве. Оставаясь во многом непревзойденным и уникальным, храм Звартноц оказал большое влияние на дальнейшее развитие архитектуры, причем не только в самой Армении, но и за ее пределами²⁰.

Среди орнаментов многих раннесредневековых армянских церквей, построенных после Звартноца и под его влиянием, можно встретить изображения граната²¹. Во второй половине VII в. ввиду историко-политических причин могло быть сооружено не так много церквей, ведь после арабского вторжения, на первых порах монументальное строительство продолжалось, но с конца VII в. положение изменилось – арабы запретили строить новые храмы, разрешив лишь ремонт старых²². Но даже за этот небольшой промежуток времени – всего за несколько десятилетий конца VII в., были воздвигнуты памятники, на стенах, по крайней мере, шести из которых гранат присутствовал как один из основных декоративных мотивов. Коротко остановимся здесь на этих архитектурных памятниках.

Кафедральный собор в *Талине* на основании наличия множества конструктивных черт сходства со Звартноцем датируется второй пол. VII в. Декоративные арки на гранях апсид заполнены растительными мотивами, в частности – бордюрным орнаментом из ветвей граната (рис.

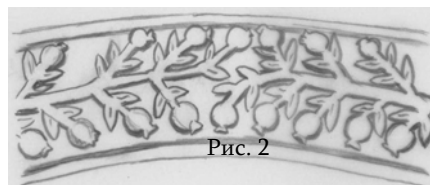

Рис. 2

2). Гранат в убранстве храма можно видеть также “свисающим” с ложных капителей (рис. 3).

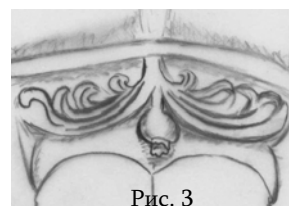

Рис. 3

К этому же периоду относится собор Св. Григора в *Аруче*. В абсиде храма сохранилась стенная живопись: под огромной, высотой 7 м, фигурой Христа, проходит, огибая всю абсиду, широкий фриз из акантовой лозы²³. “Здесь в пышных завитках акантовой лозы размещены корзины с плодами, сосуды, фрукты, в том числе гранат и виноград”²⁴. Отметим, что собор в Аруче – единственный памятник рассматриваемого периода, на котором изображения граната сохранились лишь во фресковой живописи, а не на рельефах наружного убранства. Надо добавить, что сохранились они очень плохо, и со времени описания их в 70-х годах XX в., по-видимому, стерлись еще больше. Сегодня так живо описанные 30-40 лет назад изображения с трудом можно разглядеть: винограда там не видно вовсе, а изображения граната в завитках акантового фриза едва угадываются.

²⁰ *Բ. Առաքելյանի Հայկական պատմաքրոնոլոգիկոս IV-VII դարերում, Երևան, 1949*: С. Мнацаканян, Н. Степанян. Памятники архитектуры в Советской Армении. Л., 1971; Л. Дурново. Искусство средних веков.– В сб.: Очерки по истории армянского изобразительного искусства. М., 1979.

²¹ Н. Токарский. Указ. раб.

²² А. Якобсон. Очерк истории зодчества Армении V–XVII вв. М., 1950.

²³ С. Мнацаканян, Н. Степанян. Указ. раб.

²⁴ Л. Дурново. Очерки изобразительного искусства средневековой Армении. М., 1979, с. 142.

На церкви Зоравар в *Егварде* барельеф из плодов граната можно видеть под плетеным карнизом, где гранат соседствует с плодами и листьями винограда, а также на бровках окон, в сочетании с лилиями и пальметами (рис. 4).

Церковь Св. Саргиса (Св. Георгия по Таманяну²⁵) в *Артике* на основании характера убранства также датируется второй половиной VII в.²⁶ На арках вырезан гранатовый орнамент, довольно необычный по своей форме – с острыми как колючки листьями и загнутыми внутрь веточками, оканчивающимися гранатовым плодом (рис. 5).

Другой памятник, на котором есть изображения граната, находится в *Сисиане*. На стенах сисаванского храма можно встретить большинство раннесредневековых декоративных мотивов²⁷ и среди них, на украшенных резьбой арках – очень своеобразный орнамент из расходящихся в две стороны гранатовых ветвей (рис. 6).

Совершенно особое место в ряду раннесредневековых памятников, на которых имеются изображения граната, занимает монумент в центре села *Агиту* (старое название – Агуди). Дата строительства не засвидетельствована ни строительными надписями, ни в трудах летописцев, однако, всеми авторами памятник относится к раннему средневековью и датируется временем не позже VII в. Относительно более точной датировки есть некоторые разночтения: так, в качестве времени строительства памятника иногда приводится VI в.²⁸, в других же случаях указывается VII в.²⁹ Монумент состоит из двухкамерной сводчатой усыпальницы, над которой возвышаются два яруса аркады: двухарочная, высокая и над ней – трехарочная, низкая (табл. 2, рис. 3). Декор монумента в Агиту очень своеобразен. Все главнейшие древние орнаменты собраны здесь и составляют богатое убранство этого памятника: треугольники, плетенки, «елочный» орнамент (стилизованные злаки), пальметты и полупальметты, лилии, и, наконец – виноград и гранат (рис. 7). На треугольнике между арками можно видеть сильно поврежденный, а скорее всего, просто сбитый барельеф, изображающий баранью голову – видны только завитки рогов (табл. 2, рис. 4).

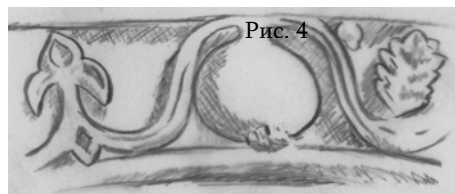

Рис. 4

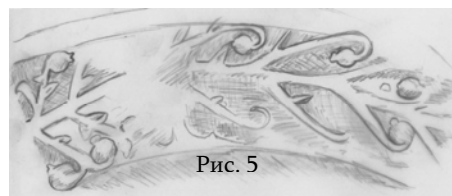

Рис. 5

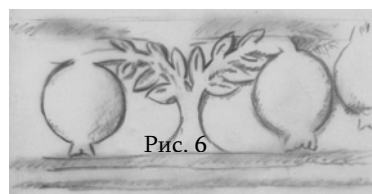

Рис. 6

²⁵ Ю. Таманян. Аруч. Ереван, 1984.

²⁶ М. Асратян. Армянская архитектура раннего христианства. М., 2000.

²⁷ Н. Токарский. Архитектура древней Армении. Ереван, 1946.

²⁸ Մ. Հ ա ղ ա ղ ի ղ ի շ ի ն, Վ. Հ ա ղ ա ղ ի ղ ի ղ ի ղ ի ն ի ն յ ի շ ի ն. Հայաստանի հուշարձաններ, Բեյրութ, 1975: М. Асратян. Армянская архитектура раннего христианства. М., 2000.

²⁹ С. Мнацаканян, Н. Степанян. Указ. раб.; В. Вентjes, S. Мнацаканян, N. Степанян. Kunst des Mittelalters in Armenien. Berlin, 1981; В. Арутюнян. Каменная летопись армянского народа. Ереван, 1985.

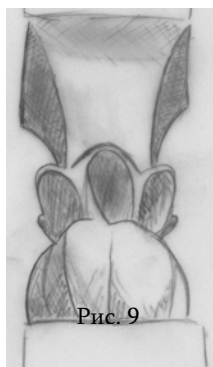

Памятник этот очень необычен. Из приведенных растительных орнаментов, древнейшие мотивы треугольника и знаков можно не так уж часто встретить на армянских архитектурных памятниках (треугольники, например, можно видеть, разве что, на наличниках круглых окон в Звартноце). Кроме того, памятник в Агиту, как никакой другой, весь пронизан “гранатовой символикой”. Гранат здесь не только включен в бордюрные орнаменты и “свисает” с волют капителей, но и сами колонны первого и третьего яруса исполнены в форме гранатового плода (рис. 8, 9, табл. 2, рис. 5). Колонны подобного типа едва ли можно найти в каком-либо другом армянском архитектурном памятнике.

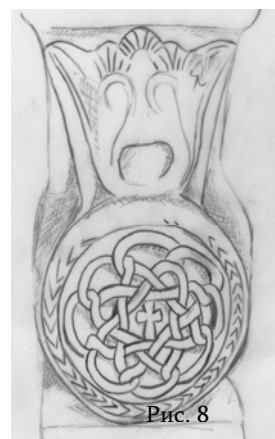
Известно, что зачастую именно орнаментальные формы позволяют наиболее точно датировать тот или иной памятник изобразительного искусства³⁰. В данном случае, ввиду всех приведенных в настоящей статье фактов, присутствие в декоре Агиту мотива граната, возможно, явится основанием для историков архитектуры определенно датировать этот памятник второй половиной VII в.

Таким образом, на шести культовых сооружениях, возведенных после Звартноца, сохранились изображения граната. Предположительно, мотив граната мог присутствовать и на некоторых других архитектурных памятниках, построенных во второй половине VII в.: церкви в *Иринде*, *Ишхане*, церковь. Св. Сиона в *Гарни*, *Банакан* в Тайке и *Ляжит* в Кавказской Албании, строителем многих из которых являлся католикос Нерсес III, однако, ввиду плохой сохранности, использование мотива граната на этих памятниках можно только предполагать.

Так что же произошло в VII в., что позволило Нерсесу Строителю вывести гранат из “подполья”? Ведь на стенах Нерсесова храма, которому начали подражать, когда он еще не был закончен, и которому продолжают подражать и которым продолжают восхищаться до сих пор, доминируют два мотива, эти вечные антиподы – виноград и гранат. Символ, находящийся “в опале” столько веков, теперь украшает Храм Бдящих сил в Звартноце, а вслед за ним – и стены других церквей, построенных во второй половине VII в. и в последующие века. В чем же секрет этого храма? Что знал Нерсес? Что это была за личность, и как удалось ему, по-существу, легализовать дотоле “запретный плод”?

Нерсес, полководец византийской армии, духовный отец византийского императора Константина, принимает в 641 г. трон

³⁰ Т. С о к о л о в а. Орнамент – почерк эпохи. Л., 1972.

католикоса Армении. На средства Константина он начинает строительство храма, по словам Мхитара Айриванеци (XIII в.), “поражающего Вселенную”. Новизна общей конструкции храма, гигантские по тем временам размеры, богатство декора и появление среди орнаментальных мотивов не изображаемого ранее граната, конечно, не могли быть случайными. Н. Токарский по этому поводу пишет: “Церковное строительство Нерсеса должно было служить делу пропаганды его догматических воззрений... Постройки Нерсеса должны были своей грандиозностью, необычностью вида и великолепием отделки затмить все выстроенное до него и помочь достигнуть того, что не всегда может быть удавалось сделать проповедью”³¹.

Безусловно, возрождение на стенах Звартноца мотива граната после стольких лет выпадения его из круга орнаментальных, а значит – и символических изображений, надо рассматривать не иначе, как манифестацию, провозглашение неких идей. Нам представляется, что таковыми были идеи национального примирения, соборности, объединения различных народных течений, снятия противоборства между продолжавшими существовать языческими культурами и христианской церковью. В этом контексте, выбор в качестве одного из основных декоративных мотивов запрещенного в первые века христианства граната, очевидно, означал “легализацию” древнего, языческого, запрещенного официальной церковью, но очень глубоко укоренившегося и продолжавшего жить мотива плода гранатового дерева (рис. 10).

Очевидно, проявлением той же политической гибкости и стремления к консолидации являлись религиозно-политические воззрения Нерсеса III. В 648 г. католикос, совместно с епископами и военачальником Армении Теодором Рштуни отвергает предложение Византии принять постановления Халкидонского собора. Однако, когда четыре года спустя император Константин прибывает в Двин и вновь требует церковной унии – принятия армянами халкидонизма, Нерсес соглашается и склоняет к этому епископов³². Вот, как комментирует это Н. Токарский: “Нерсес был активным сторонником воссоединения армянской церкви со вселенской (принявшей постановления Халкидонского собора), но едва ли только догматические вопросы привлекали его на сторону греков: широко образованный, талантливый, он с прозорливостью государственного мужа должен был понимать, что ... перед лицом грозной опасности, надвигавшейся из далекой Аравии, нужно было сделать попытку опереться на единоверную, в случае воссоединения церквей, империю”³³. Однако, встретив горячий отпор, Нерсес вынужден был уйти в свое родное село Ишхан области Тайк, а вернуться смог только в 658 г., после смерти преследовавшего его Теодороса Рштуни, спеша закончить строительство церкви³⁴.

³¹ Н. Т о к а р с к и й. Указ. раб. с. 99-100.

³² *Մ է ր է ն ու Պատմություն* (далее — *Մերենու*), *թարգմ. Իսախանյան Գ., Եղիազարյան Չ., Երևան, 2005, էջ 229-269*: Е. П е т р о с я н. Армянская Апостольская Святая Церковь. Эчмиадзин, 1996.

³³ Н. Т о к а р с к и й. Указ. раб., с. 95.

³⁴ *Մ է ր է ն ու, էջ 287*.

В связи со Звартноцем необходимо отметить некоторое противоречие: с одной стороны, здесь произошла “легализация” мотива граната, уничтожение которого, как мы полагаем, было связано с началом христианизации Армении, а значит, и с именем Григория Просветителя, а с другой стороны – именно Св. Григорию, по замыслу Нерсеса, и был посвящен этот храм: “Эта купольная ротонда... по мысли ее строителей, не являлась только патриаршим собором, утверждавшим величие власти первосвященника армянской церкви, но одновременно и памятником Св. Григорию – “просветителю Армении”, его мавзолеем, хранилищем его мощей”³⁵. Более того, Св. Григорию Нерсес посвятил также построенную им церковь в Хор-Вирапе.

Это противоречие может быть разрешено, если принять во внимание примирительную политику Нерсеса, о которой говорилось выше, его стремление к объединению: объединению древней, наиболее архаичной круглой формы сакральной постройки с новой крестовой формой церкви; старых, языческих культов с новой, христианской верой; армянской апостольской церкви со вселенской, халкидонитской; и, возможно также, стремление примирить тех, кто боготворил Св. Григория – с теми, кто не мог простить ему разрушения древних святынь.

Все эти соображения можно высказывать пока только как впечатление, как предположение, удовлетворительное доказательство которому еще предстоит найти, но тем не менее, следует признать, что для иллюстрации идеи примирения, лучшего символа, чем склоненные с двух сторон к гранатовому плоду ветвь граната (древний языческий символ) и виноградная лоза (символ христианский), каковые были повторены вдоль всей наружной аркады храма, трудно найти.

По нашему мнению, храм Звартноц – есть манифестация примирения, манифестация Любви. И не случайно так восхищались этим храмом видевшие его: «*րիշվիլիսի*» (Мовсес Каганкатвацц, VII в.), «*հրիշիվերի*» (Ованнес Драсханакертци, IX–X вв.) – называли его современники, «*լուիշիւրը, հրիշիւի*» (Самвел Анеци, XII в.) – писали о нем несколько веков спустя. Его композицию не раз пытались повторить, его форму и орнаменты воссоздавали и воссоздадут до сих пор. И сейчас – в развалинах, храм, построенный католиком Нерсесом, продолжает восхищать и вызывать изумление. И сейчас многое, связанное с ним, остается загадкой.

С появлением мотива граната в VII в. коррелирует по времени крайне необычный факт – на стенах многих христианских храмов, построенных до VII в. включительно, вырезаны *петроглифические знаки*. Эти изображения, никак не связанные с архитектурной идеей церкви, поражают своей архаичностью (табл. 2, рис. 6). Многие из этих грубо исполненных знаков в точности повторяют мотивы наскальных изображений – это, в частности, схематичное изображение *человека* и, порой, очень стилизованное (до окружности с тремя линиями) изображение *безоарового козла* (наиболее часто изображаемое в наскальной живописи животное³⁶). Подобные изображения на протяжении нескольких тысячелетий высекались на территории Армянского нагорья – их можно встретить в Гегамских горах, Ухтасаре и др., где они, безусловно, высекались не случайно и были связаны с древними культурами. Крайне любопытно, что они встречаются на стенах церквей, относимых

³⁵ Всеобщая история искусств, т. 2. М., 1960, с. 78.

³⁶ С. М е ж л у м я н. Галоценовая фауна млекопитающих Армении. Ереван, 1988.

к раннему средневековью. Они обнаружены нами, например, на стенах Ереруйкской базилики (V в.), церкви в Птгни (VI в.), Мастаре (VII в.), Св. Рипсима и Св. Гаяне в Эчмиадзине (VII в.), церкви Зоравор близ Егварда (VII в.), Св. Христофора в Даштадеме (VII в.), на стенах Сисаванского храма (VII в.), Кафедрального собора в Талине (VII в.). Единственный раз такие знаки были обнаружены нами на более позднем сооружении – на фасаде Караван-сарая в Селиме (XIV в.). Однако, известно, что на месте селимского Караван-сарая прежде существовала более ранняя постройка³⁷, к которой, очевидно, и относятся участки стен по сторонам портала с вырезанными на них петроглифическими знаками.

Мотивы на упомянутых раннесредневековых постройках не могут быть отнесены к символам каменщиков, известным по многим христианским храмам – они очень отличаются от меток мастеров. На многих из упомянутых церквей исключена также возможность того, что при строительстве были использованы камни с нанесенными на них в древности знаками, характер кладки явно показывает, что они были нанесены уже после строительства и потому такое объяснение нельзя признать удовлетворительным.

Тема эта очень интересная, и может быть предметом отдельного исследования. Здесь же она затронута постольку, поскольку, как и в случае с гранатом, в случае с этими архаичными мотивами, перелом наступает во второй половине VII в. – они изображаются до первой половины VII в., когда не изображается гранат, а также на некоторых церквях второй половины VII в. (Зоравор, Сисиан, Талин) параллельно с гранатом, после чего исчезают и в более поздние века больше не появляются на стенах церквей. Очевидно, здесь имеем дело с древней традицией, с языческими культами, которые, по крайней мере, несколько веков продолжали жить наряду с официальной христианской религией. Исчезновение этих знаков со стен церквей после VII в. можно истолковать как приход, после строительства Звартноцского храма к некому религиозному консенсусу.

До сих пор речь шла об изображениях граната в архитектуре. Но существует область, которую также нельзя обойти стороной, когда речь идет о средневековом изобразительном искусстве – это *книжная живопись*. Хотя датированных рукописей рассматриваемого периода не сохранилось, существуют миниатюры недатированные, но по стилю и иконографическим чертам несомненно очень ранние, как, например, четыре концевые миниатюры V–VI вв., подшитые к Эчмиадзинскому Евангелию X в.³⁸ Отметим, что ни на одной из сцен, представленных на концевых миниатюрах: “Благовещение Захарии”, “Благовещение Марии”, “Поклонение волхвов” и “Крещение”, не встречается гранат, столь часто изображаемый на рукописях среднего и позднего средневековья. Нет его и на резном переплете Эчмиадзинского Евангелия из слоновой кости (V–VI вв.). Однако, очевидно, во второй половине VII в. гранат в миниатюрах все же начали изображать, о чем можно судить по комментариям к хоранам, написанным отцами Армянской церкви. Самый ранний из них принадлежит перу Степаноса Сюнеци и относится к концу VII – началу VIII вв., уже здесь есть пояснения к изображениям граната, на основании чего можно опре-

³⁷ О. Х а л п а х ч ь я н. Гражданское зодчество Армении. М., 1971.

³⁸ Л. Д у р н о в о. Армянская миниатюра. Ереван, 1967; Т. И з м а й л о в а. Армянская миниатюра XI века. М., 1979.

деленно утверждать, что во второй половине VII в. гранат в иллюстрациях к рукописям изображался.

Известно, что средневековое искусство, и не только армянское, очень символично. Символическое толкование архитектурных деталей можно встретить в труде Себеоса, где он, описывая видение Св. Григория, приводит подробное символическое толкование каждого архитектурного элемента³⁹. Совершенно в том же стиле написаны толкования к хоранам во многих рукописях из собрания Матенадарана, содержащие прямые указания на значения изображаемых символов. “Комментарии” были переведены и обобщены В. Казаряном⁴⁰, благодаря чему можно напрямую судить, если не о том значении, которое вкладывали в тот или иной символ художники, то, по крайней мере, о том значении, которое понимали под этими символами, и в том числе, под символом граната, средневековые богословы. Во всех без исключения комментариях к хоранам говорится о символическом значении только четырех растений – это гранат, пальма, олива и лилия. Помимо наиболее ранних комментариев к хоранам Степаноса Сюнеци, объяснения символического содержания граната содержатся еще в девяти толкованиях XI–XVI вв. – это рукописи Нерсеса Шнорали (XII в.), Ванакана Вардапета (XIV в.), Григора Татеваци (XIV–XV вв.), Погоса Рабунапета (XVI в.), а также несколько рукописей неизвестных авторов (№ 2952, XI–XII вв., № 2152 и 2379 XIII в., № 9432, XV в. и 6396, XVI в.). В комментариях можно заметить явную преемственность в высказываниях отцов Церкви – одни и те же толкования, иногда в совершенно тех же словах, переходят из столетия в столетие. На основании этого, несмотря на то, что к рассматриваемому периоду, относятся только краткие комментарии Степаноса Сюнеци, можно допустить, что все или, по крайней мере, многие из приводимых значений мотива граната вкладывались в его изображения на хоранах уже в VII в.

Обобщив, можно выделить здесь следующие трактовки мотива граната: горечь кожуры символизирует Ветхий Завет, а сладость зерен – Новый Завет и Церковь; горькая кожура, заключающая в себе множество семян граната – это горькие притчи пророков, несущие сладость Благой Вести; горечь угроз, пленений и бед, которыми кормили язычников, противопоставляется сладкому плоду всех перенесенных испытаний, обретенному в Церкви; жизнь праведников, полная горечи и испытаний, несет в себе сладость плода бессмертия, обретенного после воскресения.

Отметим, что назидательное символическое понимание граната, приводимое средневековыми армянскими богословами, все же значительно эже того значения, которое несет этот символ в армянской культуре вообще. Последнее отражено, в частности, в народных загадках, где, помимо противопоставления горечи кожуры и сладости зерен, в символике граната акцентируется смысл «множества в едином», зачастую же гранат в загадках выступает как огненный символ⁴¹.

Как показано выше, прослеживается связь изображений граната в древности с почитанием женской *богини*. Имя этой богини было разным в разные эпохи, и в период, предшествующий принятию христианства, в качестве таковой в Армении

³⁹ Մ Է Բ Է Ն Ա, էջ 110–111.

⁴⁰ Վ. Ղ ա զ ա ր յ ա ն. Խորանների սեկնություններ, Երևան, 1995:

⁴¹ Մ. Հ ա ր Ն ի թ յ Ն ի ն յ ա ն. Հայ ժողովրդական հանելուկներ, Երևան, 1965:

почиталась Анаит. Однако, известно, что это имя армянской дохристианской Великой Матери (*Մեծ Մայր*) есть заимствование из иранского⁴², и в ее культуре сказалось влияние иранской Ардвисуры Анаиты. Полагают, что изначально в армянской традиции почиталось единое женское божество плодородия, любви и воды, которое только позже распалось на два отдельных культа: Астхик – богиню любви и воды, и Анаит, с именем которой стал связываться, в первую очередь, культ плодородия⁴³. По-видимому, таким древним синкретичным божеством была Нар (*Նար*), и именно к ее культуре следует отнести армянский корень «*նար*» и, возможно, персидский “нар” (نار) – гранат. Уже сама близость этих корней наталкивает на мысль о существовании определенной связи граната с культом богини Нар.

С почитанием этой древней богини связано множество явлений в армянской культуре. К таковым, например, относятся *նարնայի*ы, которые вешались на шею волам (культ которых тоже вполне однозначно был связан с Анаит–Нар). “Инкогнито” эта древняя богиня изображалась в виде антропоморфных солонок, традиция изготовления которых просуществовала вплоть до XX в.⁴⁴ Как пережиток древних языческих верований, связанных с богиней Нар отмечается также использование куклы Нурин в сельскохозяйственных обрядах⁴⁵. Отголоском тех же культов являются припевки «*Հոյ-նար, Հոյ-նար*», «*Նար-նար -նար-նար*» и др., которые до сих пор можно услышать в армянских народных песнях, и которые в древности были обращены к Богине с просьбой обеспечения плодородия Земли, а также многие другие явления в армянской культуре.

Вообще, в связи с культом плодородия и любви, помимо Анаит и Нар, можно указать много почитаемых в разное время на Армянском нагорье и сопредельных территориях божеств. Каждый раз, по-видимому, речь идет о весьма сходных культах, разные лишь имена. Так, например, в эпоху Урарту в стране Шубриа (окрестности сасунских гор) почиталась богиня Кибелэ. Как полагает С. Амаякян, она “была одной из богинь, представления о которой слились впоследствии в образе Анаит”⁴⁶. Культ другой богини непосредственно сопряжен с местом, где был построен Звартноц – как показывают клинописные надписи, здесь было место паломничества к святилищу языческой богини Куэра⁴⁷. Известно, что культ Куэра был связан с плодородием, пресными водами и охраняющим их Вишапом, он существовал в Армении еще до формирования Ванского царства и продолжал существо-

⁴² *Ս. Պ է տ ր ն յ ի ն. Հայոց ազգաճանաչման հարցեր, Երևան, 2006:*

⁴³ С. А р у т ю н я н. Анаит.– Мифология. Большой энциклопедический словарь. М., 1998, с. 43, 67.

⁴⁴ *Վ. Բ ո յ յ ի ն. Հայկական աղանակներ, Երևան, 1986:*

⁴⁵ В. Б о я н. Земледельческая культура в Армении (автореф. дис.). Тбилиси, 1968.

⁴⁶ *Ս. Հ Մ յ յ ի ն. Վանի թագավորության պետական կրոնը, Երևան, 1990, էջ 44:*

⁴⁷ E. L e h n e r, A. O h a n j a n y a n, M. M i t t m a y r, C. S u p a. Die Baukunst Armeniens. Wien, 2004.

вать до периода раннего средневековья⁴⁸. Все это показывает, что культовое использование граната должно было быть не только много более ранним, чем христианство, но и много древнее, чем почитание богини Анаит. Можно коротко наметить некоторую преемственность между культурами, с которыми был связан гранат как символ: это Куэра / Нар – Анаит – Мария.

Если в первые века христианства действительно существовал запрет на изображение граната, а все “доступные” изображения предшествующих христианизации веков уничтожались, то логично допустить, что та же участь должна была постигнуть и само растение. То есть, представляется довольно вероятным, что после принятия христианства возделывание граната должно было пойти на убыль, более того – в эти века, возможно, происходила массовая вырубка гранатовых насаждений, имеющая религиозную подоплеку. Такие прецеденты массового уничтожения того или иного растения, животного, их изображений по религиозным или политическим соображениям, известны в истории. Так, в Древнем Египте при правлении Эхнатона, уничтожалось все связанное с культом Амона, и, в том числе – изображения гуся, как животного, воплощающего это божество. В Ветхом Завете не раз можно встретить указания, с одной стороны – на насаждение священных рощ, с другой – на их не менее ревностное уничтожение. В католической Европе по религиозным соображениям на протяжении нескольких веков безжалостно истреблялись кошки. По всей Европе вырубались дубы, как связанные с культом Перуна (Перун, Перкунас – бог грозы). И, наконец, уже на нашей памяти, в годы “перестройки” происходило массовое уничтожение виноградной лозы, имевшее политическую подоплеку.

Предположение о происходившем в Армении уничтожении граната косвенно подтверждают ботанические данные. Так, гранат очень ограниченно произрастает в Армении, многие исследователи плодовых указывали, что экологические характеристики мест произрастания граната допускают гораздо более широкое его распространение на территории Армении, чем то, которое имеет место сейчас⁴⁹. Дикий гранат на территории Армении произрастает в основном в северо-восточных и юго-восточных районах республики, большая часть культурного граната возделывается в Мегринском районе. Крайне примечательно, что 63 % всех насаждений республики было и традиционно остается сосредоточенным в одной маленькой деревне на границе с Ираном – Нрнадзор (прежнее название – Ньюади), население которой до 90-х годов XX в. составляли мусульмане. В близлежащих армянских

⁴⁸ *U. z' u' sh j sh q' j sh u. u' z' u' sh j sh u. u' z' u' sh j sh u.*, k' 2 55:

⁴⁹ А. В е р м и ш я н. Плодоводство Алавердского и Ноемберянского районов. Ереван, 1947; О. Г е о д а к я н. Субтропические культуры в АрмССР.– Известия АН АрмССР, т. 2, 1949, № 12, с. 133–139; Э. Г а б р и е л я н - Б е к е т о в с к а я. О культуре граната.– Известия АН АрмССР, т. 3, 1950, № 8, с. 665–675.

деревнях с тем же климатом и почвенными условиями гранат в таких масштабах не возделывается.

Является ли ограниченное возделывание граната в Армении следствием агротехнических трудностей при его выращивании, или много веков назад была прервана традиция, культура возделывания? Очевидно, второй фактор имеет немаловажную роль. Слабое развитие культуры граната в Армении, как видно из всех приведенных фактов, имело свои исторические предпосылки. Ведь, если кампания по уничтожению винограда в “перестроечное” время длилась относительно недолго, то уничтожение граната в раннесредневековой Армении, очевидно, продолжалось несколько столетий. Это, конечно, не могло не наложить свой отпечаток не только на состояние диких зарослей и культурных насаждений граната, но и на психологию людей. По-видимому, именно этим можно объяснить тот факт, что гранат до сих пор с некоторой неохотой возделывается армянским населением. Сказанное иллюстрирует, например, следующий пример: основным объективным фактором, ограничивающим произрастание граната на территории Армении, является обмерзание его во время зимних холодов, однако, инжир является еще менее морозостойким, но, тем не менее, намного более интенсивно возделывается в субтропических районах Армении. В селениях Араратской долины гранат также мог бы более широко культивироваться при условии защиты его от зимних заморозков прикапыванием или укрыванием. Такая агротехника возделывания очень широко практикуется в Средней Азии, где в промышленных масштабах распространена укрывная культура граната⁵⁰, но крайне ограниченно применяется в Армении.

Такое положение вещей находится в явном противоречии с тем, что, как указывает множество признаков, Армения расположена в центре той области, где в древности происходило введение граната в культуру⁵¹. Об аборигенности культуры граната на данной территории свидетельствует его большой полиморфизм, который, согласно ботанико-географическому методу, разработанному академиком Н. Вавиловым, является основным показателем местного происхождения того или иного растения, а также, множество архео- и этноботанических данных⁵². Из палеоботанических данных отметим находку около с. Брнакот Сисианского района отпечатков листьев граната (2–1,5 млн. лет)⁵³.

Таким образом, материалы по истории изобразительного искусства, указывающие на отсутствие в IV–VII вв. изображений граната на культурных

⁵⁰ Б. Р о з а н о в. Культура граната в СССР. Сталинабад, 1961.

⁵¹ Е. Н. С и н с к а я. Историческая география культурной флоры (на заре земледелия). Л., 1969.

⁵² N. S t e p a n u a n. Armenian Wild Pomegranate: a Rare and Relic Fruit.– *Bioversity International. Newsletter for Europe*, Rome, 2007, № 34.

⁵³ По неопубликованным данным И. Габриэляна

памятниках, и ботанические данные, вполне допускающие происходившую много веков назад массовую вырубку насаждений граната, полностью согласуются и дополняют друг друга. Фактически, мы пока не располагаем ни одним прямым подтверждением, однако вся совокупность косвенных данных свидетельствует в пользу утверждения об имевшем место в начале IV в. уничтожении и произошедшем в середине VII в. “возрождении” граната. Причем, если в культуре гранат был полностью “реабилитирован”, то в отношении самого растения это еще только предстоит сделать.

ՆՈՒԱՆ ԶԱՐԴԱՄՈՏԻՎԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՎԱՂՄԻՋՆԱԴԱՐՅԱՆ ԿԵՐՊԱՐՎԵՍՏՈՒՄ

ՆԻՆԱ ՍՏԵՓԱՆՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո մ

Նուրն ավանդաբար առանձնահատուկ տեղ է զբաղեցնում հայկական կերպարվեստում և, ընդհանրապես, հայ մշակույթում: Զարմանալի է այն փաստը, որ ըստ հնաբուսաբանական տվյալների, շատ դարերից բոլորովին հայտնի չեն նրան պատկերներ հայկական մշակութային կոթողներում. քրիստոնեության առաջին դարերում (IV դ. սկիզբ – VII դ. կեսեր, այսինքն՝ Զվարթնոցի տաճարից առաջ) նուրը դուրս է մնում բուսամոտիվների շարքից: Մինչդեռ այդ նույն դարերում այն բազմիցս պատկերվել է Հայաստանի հարևան երկրներում (Պարսկաստան, Բյուզանդիա): Այսպիսի իրավիճակը կարող է պայմանավորված լինել նրանով, որ Հայաստանում հին ժամանակներում նուրը կապված էր հեթանոսական կին աստվածության պաշտամունքի հետ: Ուստի, երբ քրիստոնեության ընդունման ժամանակ քանդվում էին Անահիտին ձուլված մեհյանները և դրանց տեղում կանգնեցվում վանքեր՝ նվիրված Աստվածամորը, նրան պատկերները, որպես Անահիտի պաշտամունքի հետ կապված խորհրդանշաններ, նույնպես ոչնչացվում էին, իսկ նրան տեղը եկեղեցական ծեսում զբաղեցնում է խաղողը: Կարծում ենք, նոր դավանանքի ընդունումը կարող էր ոչ միայն նրան պատկերների ոչնչացման, այլ նաև այդ բուսատեսակի զանգվածային հատումների պատճառ դառնալ: Այս իմաստով, շատ հետաքրքիր ձևով միահյուսվում են զարդանախշի և նախաստիպ հանդիսացող բույսի ճակատագրերը: Միայն Ներսես Գ կաթողիկոսի կողմից կառուցված Զվարթնոցի տաճարից սկսած է տեղի ունենում նրան մոտիվի «ռենեսանսը» հայկական կերպարվեստում: Ինչ վերաբերում է նուր-բույսին, ապա այստեղ «վերածնունդը», հուսանք, դեռ առջևում է:

MOTIVE OF POMEGRANATE IN THE ARMENIAN EARLY MEDIEVAL
FINE ARTS

NINA STEPANYAN

S u m m a r y

Pomegranate traditionally occupies quite special place in the Armenian fine arts and in Armenian culture in general. So much astonishing that, according to archeo-botanical data, from many centuries there is no image of pomegranate known to us in the Armenian cultural monuments – in the first centuries of Christianity in Armenia (beginning of the 4th – middle of the 7th centuries, i. e. before building the Zvartnots temple), it completely drops out from the list of plant ornaments. Meanwhile, in the same centuries, in the neighboring to Armenia countries (Byzantium, Persia) there are plenty of images of the pomegranate. The reason for this might be that in ancient times in Armenia the pomegranate was connected to worship of pagan goddess, and therefore, when during the dissemination of the Christianity the heathens of Anahit were destroyed and on the same places Christian churches dedicated to Blessed Virgin were erected, the images of pomegranate, as fruit connected with cult of Anahit, were also shattered and their places in the church ritual, architecture, etc. were replaced with grape. We think that adoption of new religion caused not only annihilation of the pomegranate image, but elimination of pomegranate-bush itself. In this regard it is very interesting how interconnected are the fates of ornamental motive and of the plant-prototype. Only after Catholicos Nerses III erected the Zvartnots temple, the *renaissance* of pomegranate motive in the Armenian fine arts has occurred. We hope the *renascence* of the pomegranate-plant is yet to come.